

“НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ” ИЛИ НОВОЕ “БОЛЬШОЕ СОГЛАШЕНИЕ”?

Цинично показательное и, надо полагать, безнаказанное политическое убийство в Киеве писателя Олеся Бузины, как и неудивительно “странная” череда смертей бывших функционеров и членов Партии регионов по всей Украине, заставляют вновь и вновь задуматься над судьбой Минска-2. Фактический отказ Киева от выполнения политического блока соглашений 12 февраля, заключённых в столице Беларуси, заявление верховной рады об “отпоре вооружённой агрессии России”, её обращение к Совету национальной безопасности и обороны с предложением ввести санкции против руководства России, постоянные нарушения режима прекращения огня на юго-востоке Украины, особенно “добровольческими батальонами”, новый антироссийский проект Стратегии национальной безопасности Украины – детище А. Турчинова, главы СНБО, прибытие в апреле в западные области Украины нескольких сот иностранных военных инструкторов и многое другое подтачивает хрупкую конструкцию миротворческого процесса.

Обращает на себя внимание и то, что украинский кризис почти исчез с передовых полос мировых СМИ, ушёл на задний план европейских и американских информационных лент. Можно было бы подумать, что гражданская война на Украине остановлена и конфликт локализован. Это обманчивое впечатление. Вооружённое противостояние может в любой момент вспыхнуть с новой силой, впереди, наверняка, новые провокации. Значительная часть новоявленного украинского политического класса, к сожалению, относится к “партии войны”. Они её развязали, они в ней участвовали, и она – источник их легитимности. Они смыкаются со своими единомышленниками в ряде западных стран. В раскручивающейся в США предвыборной президентской

кампании антироссийская риторика обеспечена. Недавно в одной из научных дискуссий с участием Института Европы РАН депутат Европейского парламента Гельмут Шольц от немецкой партии “Ди Линке” поведал: “Некоторые мои коллеги в Европарламенте хотели бы уже сидеть в окопах под Москвой”. Любопытное наблюдение.

Новым общим местом в западных рассуждениях о Минск-2 стал тезис, что “санкции с Москвы будут сняты, только когда соглашение будет полностью выполнено”. Его абсурдность заключается в том, что, помимо России, сторонами договоренностей являются все другие члены Трёхсторонней Контактной группы, т.е. ОБСЕ, Киев, Донецк и Луганск, а, по существу, главные действующие лица – последние три подписанта. Получается, что Россию делают заложником дальнейших действий всех из них. Для “ястребиной” части новоиспечённого украинского истеблишмента такой подход – полная индульгенция, освобождение от всякой ответственности за выполнение Минска-2.

В общественный и политический дискурс внедряют различные идеи, быстро превращающиеся в стереотипы, некие представления, которые начинают считать чем-то самой собой разумеющимся. Например, “новая холодная война” или “новая нормальность”. Последнее, как и установка на то, что в отношениях России и введших против неё санкции стран, возврата к “бизнесу как обычно” не будет, подразумевает, что текущий уровень конфронтации – не aberrация, а новая норма жизни. А если норма, то её надо воспринимать как данность и не стремиться изменить. Появился и термин “гибридный мир” как синоним Минска-2, которым перефразируют понятие гибридной войны, якобы изобретённой Россией для

“захвата” Крыма и дестабилизации юго-востока Украины. Его смысловая “подкладка” ущербна, так как такой мир предстаёт неполным, однобоким, неполнокровным, и, значит, его ценность не так и высока.

Тем не менее, в последнее время складывается впечатление, что в Евросоюзе наступает определённая “усталость” от украинского кризиса и от конфронтации с Россией. Отношение к киевской власти становится всё более прагматичным и трезвым. Особенно это чувствуется в Германии и Франции, лидеры которых вложили огромный политический капитал в миротворчество. Визит Маттео Ренци в Москву показал, что Италия также не хочет отставать в посредничестве. Очевидно, что не согласны с тезисом о “новой нормальности” и посетившие Россию с официальными визитами президент Кипра Никос Анастасиадис и премьер-министр Греции Алексис Ципрас. Идя навстречу озабоченностям Москвы, служба внешних действий ЕС во главе с Федерикой Могерини провела уже несколько раундов переговоров с российским и украинскими экспертами об адаптации экономической части соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Напомним, что начало её внедрения в жизнь отложено до конца 2015 г.

Росту скепсиса в Евросоюзе о правильности новой санкционной модальности отношений с Россией способствуют и собственные внутренние и разнообразие внешние проблемы. Многие прекрасно понимают, что продолжающаяся попытка ЕС спасти 7-миллионную Грецию от дефолта с помощью финансовой помощи в размере 240 млрд евро показывает – сделать то же самое с 45-миллионной Украиной невозможно, на это просто негде взять даже малую часть такой суммы. Не случайно Еврокомиссия объявила о запуске работы по проведению инвентаризации и пересмотру “политики соседства”, включая Восточное партнёрство.

Риски стабильности и безопасности продолжают расти и по другим направлениям. Ситуация вдоль европейской периферии только накаляется. В Ливии продолжается хаос. Разрушение государственных структур в этой стране привело

к тому, о чём предупреждал Европу ещё М. Каддафи, – исчез достаточно эффективный барьер на пути теперь уже никем не контролируемых волн нелегальной иммиграции в ЕС. Количество погибающих в водах Средиземного моря африканцев, стремящихся в Европу, растёт с пугающей быстротой. В апреле только одна трагедия с затонувшем судном, переполненном нелегалами, унесла жизни порядка 800 человек. Если такие темпы гибели людей удержатся до конца года, то число утонувших может достичь 30 тысяч. При этом проникать в Евросоюз всё равно удаётся огромному числу мигрантов. Только через Средиземное море в 2014 г. их прибыло туда, в основном в Италию, порядка 200 тыс. человек.

“Исламское государство” в Сирии и Ираке успешно удерживает большую часть захваченных ранее территорий, и это несмотря на уже многомесячные усилия созданной (в обход ООН) для борьбы с ними коалиции во главе с США. Все воюют со всеми, в том числе исламские экстремисты между собой. В этих условиях в Москве прошёл второй в этом году раунд переговоров между Дамаском и рядом оппозиционных сил. Новая гражданская война, а затем и региональная, вспыхнула на Аравийском полуострове – в Йемене. Появилась и новая международная коалиция (вновь в обход ООН) суннитских государств, на этот раз во главе с Саудовской Аравией, для борьбы с хуситами-шиитами. Нетрудно спрогнозировать, какие “успехи” её ждут. Для Европы все эти события имеют огромное значение не только из-за увеличивающегося наплыва беженцев. Многие тысячи экстремистов с европейскими паспортами воюют в этих конфликтах, после чего возвращаются домой. Единственным для европейцев светлым пятном в этом регионе предстаёт зыбкий промежуточный успех в переговорах “шестёрки” с Ираном, где без России было бы не обойтись, как не обойтись без неё в урегулировании ситуации в Сирии, Ираке, как и израильско-палестинского конфликта.

На фоне “большой дестабилизации”, т.е. роста системных рисков как в самой Европе, так и в прилегающих к ней регионах, с новой силой встаёт вопрос о евро-

пейской системе безопасности. 2015 год предоставляет серьёзную возможность вернуться к его рассмотрению благодаря 40-летию подписания Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки. Почему тогда, в условиях холодной войны, появилась возможность достичь “разрядки”, и почему этому проекту сопутствовал успех? Сравнение 1975 г. и 2015 г. достаточно поучительно.

В первой половине 1970-х гг. сам контекст международных отношений подталкивал к поиску “большого соглашения”. Конечно, эта стратегическая идея советской дипломатии родилась ещё во второй половине 1950-х, но в её реализации не меньшую роль сыграли текущие обстоятельства, а именно – опять же “большая дестабилизация”: война во Вьетнаме, расшатывавшая социальный мир в Европе, очередной конфликт между Израилем и арабскими государствами (“война Судного дня”), первый мировой энергетический кризис, повсеместное нарастание внутриевропейских социально-экономических проблем, заставлявших уходить в отставку президентов и премьер-министров. Параллели с сегодняшним днём напрашиваются сами собой.

Тогда предпосылкой для успеха “хельсинского проекта” было решение “германского вопроса”. Московский договор 1970 г. открыл для этого путь. И теперь позиция Германии, как в преодолении стагнации в развитии ЕС, так и в создании более справедливой системы общеевропейской безопасности, может стать ключевой. Тогда западноевропейские государства стремились обеспечить благоприятные внешние условия для внутренней модернизации. И теперь нарастание внешних рисков противоречит острой необходимости ЕС сосредоточиться на внутренних реформах. Тогда ведущие европейские державы пришли к пониманию того, что в интересах всех договориться об общих принципах взаимоотношений и создать панъевропейскую переговорную площадку в виде СБСЕ. И теперь в том или ином виде предпринимаются попытки возродить форматы согласования позиций крупнейших держав, например, немецко-франко-российские встречи “большой тройки” в 2003–2004

гг. или “нормандский формат” последнего времени.

Размышления о важности согласования интересов крупнейших стран мира и для XXI века приводят не только к воспоминаниям о 1975 годе, но и к событиям более ранним. В сущности Хельсинский акт был во многом продолжением, следующим шагом в развитии принципов, зафиксированных на конференциях классической “большой тройки” в Ялте и Потсдаме в 1945 г.

Какие уроки для сегодняшнего дня можно извлечь из тех эпохальных встреч?

Во-первых, важность использовать подходящий, удачный, благоприятный момент в истории для решения конкретной крупной проблемы. Если бы Ялтинская конференция была проведена чуть раньше или чуть позже, то эффект от неё по многим причинам был бы иным, не столь значимым. Успех конференции с точки зрения всех её участников был обеспечен в первую очередь ситуацией на фронтах, сложившейся к февралю 1945 г., а также личным желанием и возможностью лидеров трёх стран приехать в Ялту и провести там неделю. Жизнь Рузвельта уже клонилась к закату, и несколькими неделями позже он был бы уже не в состоянии путешествовать. 12 апреля его не стало.

В 2015 г. украинский кризис со всей наглядностью показал, что и дальше откладывать урегулирование проблемы общеевропейской безопасности нельзя; необходимо использовать исторический момент ради безопасности всего континента.

Во-вторых, значение Ялты и Потсдама состоит в том, что для долгосрочного решения сложных международных проблем требуются институты, механизмы, структуры, разработанные и утверждённые всеми основными игроками с учётом интересов большинства других участников международного процесса. Трудно себе представить, как в иных условиях, отличных от уникального периода 1944–1945 гг., могла бы возникнуть такая универсальная и всеохватывающая организация, как ООН. Только на основе такого рода организации могло появиться современное международное право, которое с тех пор и на всю обозримую перспекти-

ву XXI века служит фундаментом взаимодействия государств на мировой арене.

В 2015 г. об этом необходимо помнить как никогда, прекратить в нарушение Устава ООН вводить санкции и создавать военные коалиции. Украинский кризис продемонстрировал востребованность и другой организации, доставшейся Европе в наследство от XX столетия – ОБСЕ, которая сейчас обретает в своей деятельности новое дыхание.

В-третьих, Ялта стала беспрецедентным примером того, как принимаемые решения направлены не только на изменение ситуации в масштабах текущего времени, но и на многие десятилетия вперёд. Фактически, тогда, в Ливадийском дворце, зародился полицентричный мир XXI в. Долгое время разглядеть его было непросто в условиях противостояния двух сверхдержав. Однако параметры деятельности Совета Безопасности ООН, включая право вето, и его конфигурация сложились так, что Организацию Объединённых Наций не только не постигла судьба её предшественницы – Лиги Наций. Она не только пережила эпоху биполярности, но в её рамках были созданы благоприятные условия для следующего шага – складывания полицентричности. Шаблон последней был задан уже самим составом Совета Безопасности, куда вошли не только европейские державы, но и государства-лидеры других частей света – США и Китай. Причём Поднебесная тогда по своему международному весу и геополитическому калибру не могла даже близко сравниться с современным Китаем. И всё же Пекин был допущен в клуб избранных.

В 2015 г. этот опыт бесценен. Он подтверждает необходимость и в новом столетии развивать полицентричность в международных отношениях с опорой на дух и букву Устава ООН. Причём развитие событий учит тому, что утверждение полицентричности – процесс волнообразный, со своими зигзагами и отступлениями. Однако пульсация этого процесса неизбежно разворачивается вдоль восходящей кривой. Его оптимальный формат будет выработан самой историей позже. Е.М. Примаков в своей новой книге “Россия. Надежды и тревоги” (“Центрполиграф”, 2015) назы-

вает текущую фазу полицентризма “иерархической многополярностью”.

В-четвёртых, возможно, центральный урок Ялты и Потсдама – учёт интересов безопасности друг друга. После распада Советского Союза западные державы занялись реваншизмом и отбросили своё признание необходимости обеспечить безопасность западных границ теперь уже России. Вначале исчез “пояс добрососедства” вместе с восточноевропейскими союзниками СССР. Осуществлено продвижение НАТО вплотную к границам России. И в этих условиях последняя красная черта с точки зрения безопасности западных границ России – это Белоруссия, Украина, Молдавия, Закавказье. В 2008 г. в Грузии её попытались пересечь. Известно, что из этого получилось. Теперь территорией геополитического противоборства стала Украина. Если красная черта здесь “падёт”, исчезнет последний “буфер” между Россией и военно-политическим альянсом, куда Россия не входит и входить не будет.

На какие принципы могло бы опираться новое “большое соглашение”, своего рода “Ялта-3”, вслед за Ливадий/Потсдамом и Хельсинки (не забудем и о Вестфальском мире 1648 г., и о Венском конгрессе 1814–1815 гг.)? На принцип государственного суверенитета, равенства и невмешательства в дела друг друга. На принцип согласования интересов ведущих государств мира. На принцип взаимного учёта озабоченностей и комплексного подхода к отношениям между странами в сфере международной безопасности. На принцип неделимости безопасности. Наконец, на принцип полицентризма в международных отношениях, который препятствует доминированию в мире одного государства или группы государств.

О том, зачем всё это нужно, пронизательно сказал Николай Петрович Шмелёв: “Зло всегда было в мире, и зло всегда будет в мире, причём более или менее в одном и том же соотношении независимо от исторического времени. С этим люди всегда жили, и с этим им придется жить и дальше. Весь вопрос в том, удастся ли обществу и впредь держать это зло более или менее под контролем”.

Ал.А. Громыко